

Сюй Янь, воспользовавшись моментом, когда княгиня Пинъян разговаривала с Сюй Яньи, обвел взглядом зал, но нигде не увидел Сюй Мо. Это вызвало у него удивление, и он тихо спросил служившую позади него Чжоухуа:

— Почему младший брат не пришел? Разве его не пригласили?

— Отвечая наследнику, рано утром княгиня отправила сестру Цуйюй в восточный флигель, чтобы пригласить младшего господина, но он сказал, что плохо себя чувствует, поэтому сегодня вечером не пришел, — ответила Чжоухуа.

Кивнув, Сюй Янь махнул рукой Чжоухуа, и та, поклонившись, отошла подальше.

Раньше Сюй Янь знал только, что Су Ляншэн любит отлынивать от утренних занятий, ссылаясь на недомогание, но теперь он узнал, что его младший брат тоже использует этот предлог. Этот предлог действительно слишком удобен. Сюй Янь мысленно покачал головой, думая, что, возможно, Мо не хочет приходить из-за того, что в его сердце еще есть обида на мать. Но это не проблема, после окончания банкета он сам навестит его.

Решив так, Сюй Янь выпил свой бокал вина залпом, затем налил еще один, встал и громко произнес, обращаясь к княгине Пинъян:

— Матушка, сегодня вечер праздника Середины осени, день семейного воссоединения. Янь желает вам вечной молодости и бесконечного благополучия.

Вино было слегка острым, но послевкусие оставалось приятным и насыщенным. Сюй Янь допил свой бокал и только что сел, как тут же встала Сюй Яньи:

— Не только у старшего брата есть сыновняя почтительность, у Яньи тоже. Недавно я сделала сумочку и хочу подарить ее матушке сегодня, чтобы она всегда улыбалась.

Сказав это, Сюй Яньи подмигнула своей служанке, и та, поняв намек, поспешно подошла и передала сумочку княгине Пинъян.

Княгиня Пинъян с улыбкой взяла сумочку и внимательно рассмотрела ее. Сумочка размером с ладонь была сделана из парчи, украшенной золотыми и серебряными нитями. На лицевой стороне был вышит ярко-красный пион, а по краям — узоры из облаков и воды. Хотя стежки были немного грубоваты, княгиня Пинъян искренне обрадовалась и, глядя на своих детей, сказала:

— Хорошо, хорошо! Янь и Яньи так заботливы, матушка очень счастлива.

Находящиеся ниже наложницы тоже поднесли приготовленные подарки. Хотя они не были такими ценными, это все равно было проявлением их уважения к хозяйке. Княгиня Пинъян мысленно кивнула, сказала несколько любезных слов и наградила наложниц украшениями и драгоценностями. Также она раздала деньги слугам в доме. Таким образом, все слуги в княжеском доме были в восторге и старались изо всех сил показать себя.

Когда банкет подошел к концу, уже было поздно. Княгиня Пинъян, чье здоровье всегда было не очень крепким, отправилась отдыхать под присмотром нянюшки Цуй. А Сюй Янь, помня о Сюй Мо, тоже направился в восточный флигель.

Хотя его мать, наложница Вань, совершила ошибку из-за жажды славы, в сердце Сюй Яня вина не должна переходить на детей. В конце концов, Сюй Мо был невиновен, к тому же он был его

кровным братом. В любом случае, он должен был позаботиться о нем. Возможно, княгиня Пинъян обычно не обращала внимания на Сюй Мо, и слуги в княжеском доме тайно предполагали, что княгиня не любит младшего господина, поэтому относились к нему с пренебрежением.

Хотя восточный флигель был большим двором, Сюй Мо жил в самом отдаленном углу, и рядом с ним было всего один или два слуги. Кроме того, из-за его неприятного характера Сюй Янь мог понять положение Сюй Мо в княжеском доме, но не мог ничего сказать.

Пробираясь через бамбуковую рощу восточного флигеля, Сюй Янь направился вглубь двора. Поскольку это место было отдаленным и редко посещаемым, он нес в руке желтый фонарь, освещая путь лунным светом в поисках Сюй Мо.

Пройдя половину пути, он заметил вдали у пруда с лотосами небольшой темный силуэт. Сюй Янь нахмурился, поднял фонарь выше, и яркий свет осветил фигуру.

— Мо, — подошел Сюй Янь ближе, но Сюй Мо, словно не замечая его, продолжал сидеть у пруда. — Что ты здесь делаешь? Неужели не холодно в такую ночь?

Услышав это, Сюй Мо слегка повернулся и поднял свое бесстрастное лицо:

— А что ты делаешь здесь ночью, наследник?

Сказав это, он снова опустил голову, играя с красным предметом в руках.

Присмотревшись, Сюй Янь разглядел, что в руках Сюй Мо был лotosовый фонарь. В сердце он вздохнул, присел рядом и поставил фонарь на землю, мягко сказав:

— Мо, зачем ты называешь меня наследником? Я твой старший брат. Если тебе действительно не хочется так называть, зови меня по имени, только не делай этого при людях, чтобы избежать неприятностей, понимаешь?

Сюй Мо не ожидал, что Сюй Янь будет так добр к нему. Он замер, опустив глаза, и через мгновение тихо произнес:

— Сегодня днем это ты послал Таояо, чтобы спасти меня?

— Мо, будь умницей, — Сюй Янь не ответил на вопрос, а просто посоветовал. — Если кто-то будет снова обижать тебя, иди в мой кабинет и найди Цзыцзинь, она очень добрая и обязательно поможет тебе.

— Хорошо, — Сюй Мо кивнул, в сердце чувствуя горечь. Он не был совсем невежественным. Он знал, как трагически погибла его мать, наложница Вань, и кто прислал ему лунный пирожок с начинкой из лотоса, когда он был заперт в темной комнате. В этом мире, кроме этого прекрасного юноши перед ним, наверное, больше не было никого, кто бы хорошо к нему относился.

— Старший брат... — тихо позвал Сюй Мо, затем поднял глаза, полные слез, и посмотрел на Сюй Яня. — Я слышал, что на праздник Середины осени, если запустить лotosовый фонарь, можно избавиться от тоски по близким. Это правда?

Услышав это, Сюй Янь снова пожалел Сюй Мо, глядя на пруд, полный лotosов. Мо с детства остался без матери, отец не обращал на него внимания, Яньи и Вэнь всегда его не любили.

Наверное, Мо чувствовал себя одиноким и несчастным в княжеском доме. А из-за праздника Середины осени, дня семейного воссоединения, он еще больше тосковал по умершей матери.

Обычно в княжеском доме не разрешалось запускать лotosовые фонари, особенно Сюй Мо, который был незаконнорожденным. Княгиня Пинъян была его официальной матерью, а родители все еще живы, зачем же оплакивать родственников?

— Мо, ты написал что-то на фонаре? — спросил Сюй Янь.

Сюй Мо покачал головой, потеряв свой обычный дерзкий вид. Теперь он был просто ребенком, растерянным и неуверенным.

— Ну и ладно, — мысленно вздохнул Сюй Янь, продолжая. — Главное — искренность. Мо, если ты сам его запустишь, твоя мать обязательно услышит твои мысли.

Сюй Мо шмыгнул носом, кивнул и осторожно опустил лotosовый фонарь в пруд. Фонарь медленно поплыл к центру пруда и вскоре исчез вдалеке.

Сюй Янь погладил Сюй Мо по голове, снял свой верхний халат и накинул его на мальчика:

— Да живут люди долго, пусть глядят на луну, хоть и за тысячу ли друг от друга. Мо, когда ты думаешь о своей матери, она тоже думает о тебе.

— Старший брат... Ты правда говоришь правду? — Сюй Мо смотрел на бамбуковый халат, накинутый на него, и дрожащими руками крепко схватил его. Его маленькое тельце, скрытое в темноте, казалось особенно одиноким и печальным, а тонкие губы были плотно сжаты, как будто он защищался от всех обид, которые приносил ему мир.

Сюй Янь видел все это. Будь то дерзость или высокомерие Сюй Мо, все это было лишь защитной оболочкой. Как у ежа: даже если снаружи он покрыт острыми шипами, его живот всегда мягкий и теплый. И если еж потеряет все свои шипы, он не сможет выжить.

А Сюй Мо не был Су Ляншэном и не жил так же хорошо, как Су Ляншэн на горе Цзюли. В больших дворах, хоть снаружи все выглядит красиво, внутри всегда происходят грязные дела, которых невозможно избежать. Поэтому Сюй Янь не хотел, чтобы Сюй Мо сбрасывал свои шипы, он просто хотел, чтобы тот жил немного лучше.

— Старший брат не обманет тебя, — мысленно вздохнул Сюй Янь, затем добавил. — Мо, давай я провожу тебя домой?

Сюй Мо покачал головой, опустил голову и молча встал, направляясь обратно.